

Иван Фастманов

37 GEMINORUM

Иван Фастманов

37 Geminorum

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972922

Аннотация

Следователь провинциальной прокуратуры ищет пропавшего физика, прославившегося на весь мир инновационными открытиями. А находит иные причинно-следственные связи, иных существ, иные вселенные...

Иван Фастманов

37 Geminorum

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Памяти Евгения Дмитриевича Поливанова,
русского лингвиста, репрессированного в 30-е годы.*

*Соломон Гранди
В понедельник родился,
Во вторник крестился,
В среду женился,
В четверг занемог,
В пятницу слёг,
В субботу скончался,
В воскресенье отпели.
Так жизнь и протичалась:
Считай – за неделю.*

Английский фольклор, 1842

Когда это началось? Деятнадцатого, в понедельник? Точно. В понедельник у меня были ответы на все вопросы. А в

воскресенье весь прочный мир уже разрушен.

В понедельник я сидел у прокурора, морщил нос и читал газету, лежащую у него на столе. Весь кабинет подполковника юстиции Евгения Борисовича Гаусова пропах потом. Этот запах сводил с ума всех.

– Товарищ капитан, что вы морщите свое уважаемое лицо? Вслух читайте. Громко и с расстановкой.

Морщился даже президент на портрете.

Подполковник юстиции взял щетку и, кряхтя, стал чистить обувь под столом, смяв свой огромный живот. А я начал читать.

– «Анализ данных, собранных с помощью научного аппарата «Разведчик межзвёздных пределов» (ИВЕХ), указывает на необходимость полностью пересмотреть существующие представления о формировании и эволюции Солнечной системы в целом и Земли в частности, сообщает ИТАР-ТАСС...»

– Идиотека! На кой мне ваш ТАСС? Ниже читайте, «городская молния»!

– «18 мая в двухэтажном доме № 4 по улице Звиргздыня г. Кимры произошел сильный пожар. Полностью выгорела квартира академика Л.Г. Асланяна, Героя Советского союза, выдающегося ученого и конструктора. Супруга академика Мая Лоренцовна Асланян угорела во сне. Сам Леонид Гисакович не обнаружен. Удивительно, что, несмотря на деревянную конструкцию дома 1899 года постройки, другие

квартиры не пострадали. Пожарный наряд...»

– Удивительно? – закричал под столом прокурор.

– А?

Передо мной всплыло огромное бордовое солнце.

– Хватит изображать имбецила, товарищ вечный капитан.

Вас не удивляет, что другие квартиры дома № 4 не пострадали, несмотря на пожар первой категории?

– Да, это крайне удивительно.

– И как вы себе это представляете?

– Слабо, Евгений Борисович.

– Раз слабо, придется расширять ваш кругозор. Вот материал дознавалы с этой квартирки, вот газета, а вот мое отеческое благословение... Расследуйте.

– Понял вас, товарищ подполковник.

– Ваня, ты чего вздыхаешь? Знаешь, кто это?

– Где?

– В пизде, на верхней полке. Вы знаете, кто такой академик Леонид Гисакович Асланян?

– Никак нет.

– Дурак ты, Ваня. – Евгений Борисович ловко заложил в воздухе финт желтой брошюрой. Я поймал ее крутящееся тело, раскрыл. Теперь мне не нужно было смотреть на прокурора. – Светило мировой инженерии. Конструктор «Шквала» – легендарной ракеты для подводных лодок, которая двигается под водой со скоростью 180 метров в секунду.

– И как она преодолевает сопротивление воды?

– В кавитационном пузыре. Ракета создает завихрение воды, которое образует вакуумный пузырь. И движется в нем к цели с убийственной скоростью. Шум при этом стоит такой, что сонары выходят из строя. У радистов кровь из ушей хлещет. Пиндосы часто икали, едва заслышав про эту ракету. Так что вперед и с песней, мой особый контроль! Правда, в последнее время Асланян стал плох. Москва говорит, двинулся рассудком, ушел из русла естественной науки. Издержки гениального разума. Я вызвал эксперта Истримову из Твери. Ракета под кроватью жены, опыты со взрывчатыми веществами в ванной? Я должен все знать. Доклад ежедневный, ежечасный! Московские писаки уже здесь, и администрации нужно их чем-то кормить. И кормить я их буду тобой... – Подполковник схватил потной ладонью трубку, второй рукой нетерпеливо махал мне. – Гаусов. Да! Постановление уже есть, копию можем вручить вашему сыну.

Я сгреб материалы и тихонько отбыл к дому на улице со странным, древним названием Звиргздыня. Оно навевало мутные ассоциации с дынями, витающими в звенящем космосе.

Уставший от жизни двухэтажный дом присел на колени, просил пощады белыми флагами простыней, вывешенных из окон. Краска с цифры «четыре» облупилась, номер – цвета ржавого хаки. На крыльце стояла грязная посуда, ее вылизывал черный кот с обрубленным хвостом. Светлый воротничок на кошачьей грудке: надежда есть.

Древесная гарь отравила ноздри. Лестница с глубокой колеей и отпечатками ступней тех, кто пыхтел на ней всю свою жизнь. Доски подружились, скрипа нет. На окне стоял пыльный кактус, на стене – опутанная паутиной детская коляска. Второй этаж, открытая дверь.

– Помнишь Кислого с Центросвара?

– А должен?

– Обязан.

Выстрел. Седая голова без отрыва смотрит в телевизор. Сериал «Литейный» длиною в жизнь. Не оборачиваясь, бабуля авторитетно тычет пальцем в сторону. «Ступай дальше, я прикрою». Понял, иду.

Окно в конце коридора выбито. Осколки стекла на полу. Я остановился возле роковой квартиры, приник ухом. Ветер шипел, прищемленный дверью. Стал искать в папке ключи, толкнул бугристую дверь локтем. Нежданно она поддалась, пока не рухнула целиком внутрь, подняв столб черной пыли. Внизу кто-то выругался, детский голос громко кричал: «Четыре! Четвертый раз!».

Но я не слышал, я смотрел. Внутри стояла необъяснимая, насыщенная до предела, чернота. Проемы окон были спасением. Пыль пятилась по комнате, вышла в коридор. Я натянул респиратор и вошел.

Плавильная камера. Все поверхности ровно выжжены и имеют похожую зернистую структуру. Огонь уничтожил все. А что не отправил в небытие, то уменьшил втрое. Шкаф съе-

жился, спрятался в стену. Лопнула и рассыпалась коралловыми осколками ванна. Швейная машинка в виде причудливой скульптуры потекла, как восковая. Стоило коснуться чего-либо, как структура менялась, едкая пыль вздымалась в воздух. Предметы теряли очертания и ускользали.

Приехала Ленка Истримова – с родимым пятном на щеке, напоминающим Австралию. Она надела синие лабораторные перчатки и принялась раскладывать пыль по пакетам.

– Другого от гения и не ожидала. Тотальный отжиг. Ну и дерьмо эта никотиновая жвачка. Тьфу.

– Истримова, перестаньте плевать на вероятные улики. Они улетают. Что скажешь, Лен?

– Жарко тут было. Как в попе у сатаны. Выгорело все. До молекулярного состояния. Стальные, керамо, бетонные элементы сохранили кое-где структуру, остальное – труха, сыпется при малейшем дуновении. Чем жгли, понять надо...

– Напалмом? О, стиральная машинка в миниатюре.

– Точно уж не лисички, взявшие спички. При этом снаружи ни пепла, ни даже копоти.

– Нонсенс. Дом деревянный. Должно быть гигантское пепелище. Позвать кого-нибудь из рубрики «Удивительное рядом»?

– Повернись-ка. Твои ноги оставляют выемки на полу. Ровные. Но только до определенного предела. Очень интересно! Очаг возгорания строго ограничен определенным пределом. Огонь не шел наружу... Мистика! Следи за пла-

менем. – Она быстро щелкнула американской зажигалкой. – Основной фокус здесь. Да не тычь пальцем, следовательно! Граница между выжженной древесиной и той, что не пострадала, – четкая. Как по линейке чертили. Дальше этой точки пламя не шло. Где была Асланян?

– Кровать стояла вот здесь. На ней женщина шестидесяти двух лет. Кремирована заживо во сне. Однородный порошок. Опознали по коронкам на зубах. Судмед сказал, что Мая Асланян вся влезет в литровую банку.

– Тут нечто запредельное, Ваня. Скажи Гаусову, чтоб Москву звал.

– Что с воспламеняющимися?

– Газа в доме нет. Ничего, похожего на баллон, не нахожу.

– А на ракету «шквал» или гигантский кавитационный пульт?

– Что? Асланян не держал здесь лаборатории. Ничего похожего на экспериментальное оборудование я не нашла. Только быт. Соседей опрашивали?

– У меня шесть протоколов, составленных дознавателем. В целом – ноль. Академик здесь редко появлялся, только ночевал. Возвращался с работы после десяти. Правда, я так и не установил, где Асланян трудился над своим адским паяльником... Ни с кем дела не имел. Приглашение на день города от мэрии Леонид Гисакович проигнорировал. Жена – молчаливая домохозяйка армянской национальности, ложилась рано. Ильинская из седьмой шла заступать вахтером

на городскую свалку в четыре тридцать, когда увидела, что дверь Асланянов светится. Сейчас найду... «Дверь квартиры номер четыре светилась как будто яркий солнечный свет или даже ярче. При этом она не была освещена снаружи, свет струился изнутри, просачиваясь сквозь щели и освещая коридор. Смотреть на эти щели было нестерпимо для глаз. Дыма и гари не было. Я испугалась, думала, что дверь раскалена, но все-таки постучала. Она оказалась чуть теплой, и свечение при стуке будто потускнело. Никто не открыл, не ответил. Разбудила домкома Владимира Трифоновича. Он вызвал милицию».

– Бодренько так... А что профессор делает в Кимрах? Он наш?

– Приехал полтора года назад, снял квартиру. Навел справки у технарей, где и чем занят профессор во время ежедневных отлучек никто не знает. Впервые слышат его имя. Продукты закупала Мая. Она же часто возила ему пакеты на велосипеде «Украина». Соседи видели самого академика редко, не чаще раза-двух в неделю. Но каждую встречу запоминали надолго. Они высмеивали старика, считая сумасшедшим.

– И почему же?

– Каждый раз, когда Асланяна видели, на у него голове был очень странный предмет.

– Гнездо жар-птицы?

– Не совсем. Шлем. Очень громоздкий шлем желтого цве-

та, к которому прикручены другие предметы. Похоже – антенны.

– Он ходил в нем все время?

– Асланяна никогда не видели без шлема. Леонид Гисакович объяснял это профилактикой какого-то заболевания головного мозга. Я уже сделал запрос в Москву по поводу медицинской истории профессора. Но самое интересное не это. Супруга профессора рассказывала парализованной Беляковой из второй, что мужу запретили снимать шлем даже ночью. На шлеме, сбоку, Белякова видела надписи. Прямо по центру, на лбу, две большие буквы «РП».

– «РП»? Сбрэндил, к гадалке не ходи. Я, кстати, видела желтый шлем с антеннами. Только без надписей. Будешь конфетку?

– И где же ты его видела?

– На урицком рынке, вчера. Джесси сгрызла пульт, и мы с мужем искали замену. Висело это изделие где-то в центре, у какого-то нерусского. Просил три пятьсот за шлем американского космонавта. Интересно, НАСА в курсе?

– Сейчас и проверим. Ты на машине?

– Да, мой генерал.

– Куда поскакала, а опечатать помещение?

Через полчаса я уже крутил в руках удивительное изделие. Баят Норбеков, владелец торговой палатки со странным названием «антен штекер пульт», сидел в Ленкином пежо и махал руками. Врал, что шлем сдал иностранец.

– Норбеков, здесь черным по русскому написано, «РП».

– Я не знаю, палковник, в Нахичевани русский не учат. Это не мой дел, товар продать, детей кормить. Человек нерюсский продавал, я купил, теперь сам продать. Зарплата маленький, четыре рубля давай, у меня четверо детей. Потом верти, скока хочешь...

Я не замечал живописных кругов, которые описывали в воздухе его возмущенные руки. Я изучал шлем. Чем дальше осматривал конструкцию, тем больше проникался уважением к военной функциональности предмета. Предмет оттягивал руки, весы в мясной лавке показали 2 килограмма 350 грамм. Носить его непрерывно – изощренная пытка. Не удалось установить ни фабрику, ни страну-изготовителя. Бирки и штампы отсутствовали. Шлем был исполнен аккуратно и основательно, как любой высокотехнологичный продукт военной промышленности. Желтая поверхность оказалась на ощупь шершавой, обтягивающий каркас материал напоминал по фактуре резину. По бокам на хромированных болтах крепились две трапециевидные антенны. Еще одна – в виде неправильного купола – закреплена в районе затылка. Идеальная подгонка, монументальная устойчивость. Ниже, в задней части располагался прямоугольный аккумуляторный отсек, в котором я нашел метровый провод к розетке внешнего питания. В единственную шейную шлейку из темной потрескавшейся кожи был вделан электронный прибор. С виду он напоминал миниатюрный двухсекционный свето-

фор – с секциями зеленого и красного цвета. Вторая шлейка была вырвана с корнем. Куски белых ниток торчали из основания шлема.

На лбу были две белые, нанесенные через трафарет буквы: «РП». Покрутив желтую сферу, я нашел нечто более интересное. Несколько слов, написанных в столбик и нанесенных буквами поменьше в районе левого уха, гласили: «Брандтель-Бок-Поливанов-Асланян». Слова «Брандтель» и «Бок» несколько выцвели и приобрели яичный оттенок. «Поливанов» и «Асланян» были нанесены разными шрифтами и, видимо, в разное время. Сомнений, что это шлем профессора, не осталось. Шлем не перестал удивлять находками и внутри. В подшлемник были вделаны наушники с тремя прорезями под динамики. Открепив пластмассовые заклепки из мягкой кожи с прослойкой поролона, я нашел квадратный отсек, закрытый одним крестовым болтом. Ноготь не взял его, зато подушечка пальца нащупала чуть ниже продольную выпуклость. Лена принесла складную лупу.

– «Рыночная площадь 1968 сейф».

– А?

– Написано «Рыночная площадь 1968 сейф». Видимо «РП» – это она и есть. 1968 – год. Норбеков, есть маленькая крестовая?

– Ничего винтить не будет, командир. Купите, потом хоть взрывайте. Это каска космонаутов. Она на луну летал. За три отдам.

Перед моим носом всплыли три волосатых пальца.

– Норбеков, этот предмет я изымаю как вещественное доказательство в уголовном деле по факту смерти Майи Асланян. Это шлем ее мужа, который сейчас находится в федеральном розыске. Все что ты за него получишь, это протокол об изъятии. Как говорят в Кизляре, «андерстенд»?

– Какой Масланян, кто убил? Я радуги продаваю постоянно тут!

– Двигай за мной к машине. Откуда у тебя шлем?

– Я знать не думал... Башмака этого изую. Какой дело?

– Стоп. Ты у Башмака шлем взял?

– Давал ему «три топора», забрал шлем и все. Знать не думал, душу его топтал...

– Топоры? Портвейн «три семерки» ты выменял на шлем Асланяна у дважды судимого Василия Башменцева, верно?

– Да, да! Эта мудака Башмак пришел шлем сюда, две тыща хотел, за триста торговали. Вот отвертка командир, я, честно, четверо детей...

Я вытащил отвертку из складного ножа Норбекова, и почерневший болтик из недр шлема упал в ладонь. Подцепив металлическую крышку, открыл отсек. Внутри был металлический тумблер, вроде тех, которые можно увидеть на военных самолетах. Холодная сталь – и никаких надписей. Я приладил крышку обратно.

– Баят Норбеков, город не покидать. Леночка, сделай скан его паспорта. Вон «кодак».

Лену я отпустил, а на поиски Башмака захватил оперативников из девятого городского отделения милиции: сержанта Ипатьева, по кличке Печальный и водителя Руданова. Улыбки Ипатьева никто никогда не видел. Он был из тех исполнительных ленивцев с широкой светлой душой, на которых держится земля русская. Был ли основой русской нации богатырского сложения водитель Руданов, я не знал. Руданов очень неохотно выдавал себя, громогласно произнося лишь: «так точно», «принял» или «житомир 39, на связь»

Башмака нашли легко. Его сестра показала, что он уже второй месяц работает на железной дороге, путеукладчиком. Прыщавый Василий Башменцев лежал возле путей за зданием железнодорожной станции Савелово и явно не спешил их укладывать. На нем был задубевший сальный комбинезон. Черными как копать пальцами он раскидывал с приятелем «буркозла». Его друг с взлохмаченными седыми патлами, завидев Ипатьева в форме, стал напевать «еду в Магадан».

– Что пьем? «Охота крепкая»? Бестселлер.

– Имеем право, гарантированное конституцией. Во время обеденного перерыва.

– В половине пятого? Ипатьев, возьми пока этого кочегара паровых машин и проведи разъяснительную беседу. На тему «прямая взаимосвязь пьянства и членовредительства на железных дорогах РФ»

– А?

– Короче объясни, что лежать на путях пьяным опасно для

цветущего организма. А я пока побеседую с носителем сапужной фамилии и аналогичного запаха.

Я присел на место седого. Башменцев понял, откуда дует ветер, и попятился. Желание держать все под контролем и оставаться невозмутимым выдавало его. Я долго наблюдал за ним, смакуя неудобство.

– Психологи называют это «защитной позицией».

– Начинает холодать, не пора ли нам поддать?

Он натужно рассмеялся.

– Послушай меня внимательно, Василий. Сейчас ты честно ответишь мне на вопросы. Их будет немного, чтоб не напрягать твои интеллектуальные ресурсы. Точнее, вопрос будет один. К тому же с визуальной подсказкой. Итак, откуда ты взял этот предмет?

Я вытащил из пакета и поднес к хитрому носу Башменцева желтый шлем. Он явно узнал его и сплюнул в сторону.

– Отвечает господин Паташов.

– На набережной подобрал, возле обелиска.

– Возле обелиска Троцкому, который известен в народе своей правдивостью? Не ври мне, Васенька. Не в твоих интересах врать.

– Говорю же, тама он валялся, в урне зеленой. Мне уже идти на шестой участок.

Он хотел было подняться, но я стукнул его шлемом по носу. Башменцев отпрянул назад и выпучил честно-голубые глаза.

– Товарищ Башменцев, вы умеете писать?

– Не-ее, да...

– Ясно. Вот там, в замечательном изделии отечественного автопрома – буханке – яростно сжимает руль сержант Руданов. Сержант Руданов известен тем, что не любит, да и не умеет говорить. Как и ты, Вася. Эту вредную привычку у него отбили лопатой в псковской дивизии ВДВ. Я сейчас пойду изучать вещественное доказательство, а допрос продолжит сержант Руданов. После его допроса ты изложишь все мне. В письменном виде. Так как зубов у тебя, Башмачок, уже не будет.

– В леску...

– Громче!

– В леску он был, в леску.

– Шлем? В каком леску?

– В белогорском. У поймы. Я металл собирал, медный провод, Норбику сдать.

– Далеко от Белого Городка?

– Километров пять, может. Ходил он там в шлеме, измерял чёто. Пальцем его не трогал!

– Хватит чесать руки! Кто ходил в шлеме?

– Я думал, военный. Потом гляжу – старик. Носатый.

– Пофессор Асланян. Где он сейчас?

– Там, где мы все скоро будем.

– Что он делал?

– Пруты металлические в землю втыкал и проволоку меж-

ду ними прилаживал. Я хотел проволоки взять и прилег. Тогда началось. – Он поднял голову, стал водить ртом из стороны в сторону, протяжно свистеть сквозь гнилые зубы. – Как в трансформаторной будке гудеть начало. И туман серый. Съежился и со всех сторон накрыл старикана. Вот так, бя! – он выпучил глаза, свел ладони и стал душить воздух пальцами.

– Что накрыло старика?

– Туча.

– Херня! Что за туча?! – заорал я и схватил Башмака за жирные волосы. Тот стиснул зубы.

– Отвечаю, товарищ командир. Туча коконом вокруг него встала. Выл он сильно и рвал землю как безумный. Я онемел, пластался, хотел с землей слиться. Никогда так страшно не было. Вру, в детстве было, когда мимо проскакал двуногий бес. Эти насекомые его поели...

– Какие насекомые?

– Комары. Похоже на комаров. Гул стоял такой, уши заложило.

– Асланян жив?

– Не знаю... Нет. Я видел, как он чернеет и, как это сказать...

– Своими словами.

– Меньшеет? Сдувается! Чернеет и сдувается на глазах. Они его изожрали до костей. Я схватил шлем – и бежать. Первое что сделал – закупил москитной сетки в городе.

– Что он делал в момент нападения?

– Проверял натяжение проволоки, кажись.

– Эх, Васька. А тебя комары-убивцы не тронули?

– Сам удивляюсь.

– Лучше бы ты запомнил, где остался Асланян. Иначе мы тебе предоставим окна с крупной сеткой. Ипатьев, отпусти второго дурака. Мы едем.

– Куда?

– На поиски серой тучи.

– Я до того четыре месяца не пил, товарищ капитан. Но теперь все... Пьянство и храм. Храм и пьянство.

– Старинное сочетание.

Мы ехали в холодной казенной машине, Башмак указывал дорогу. Я искал признаки лжи на его лице, но не находил. Он был испуган, но кажется, рад. Счастье избавления. Груз, гнетущий его, перекочевал на чужие плечи. Не доезжая небольшого старинного поселения – Белого Городка, свернули на грунт. Буханка стала качаться по среднерусским ухабам и страшно скрипеть. Левый ее бок подхлестывал ельник.

– Вот бурелом...

– Этот бурелом живет до шестисот лет, Ипатьев.

– А?

– Ели, Ипатьев.

– Еле-еле?

Я отвернулся и подумал о том, что видели эти деревья за свою жизнь и о чем они молчат?

Мы плутали по лесу, но Башмак тыкал пальцем с почерневшим ногтем на развилках.

– Под горку налево уходим.

Похоже, знает, куда ведет. Лучше бы ему знать. Я пристально смотрел в его голубые глаза, а он отвечал мне взглядом честного человека.

– Руданов, как пойдем, захватите АКСУ. Если вздумает бежать, навести нас на подельников, или у него из попы начнут вылетать агрессивные настроенные комары, применяйте оружие.

Водитель коротко кивнул головой. Пуговица на шее Руданова напряглась, толстые пальцы повернули руль.

Продолжили путь уже пешком по едва различимой тропинке. Башмак, Руданов, Ипатьев. Последним шел я, неся сумку криминалиста. Ельник уступил место остролистым кленам и ароматным липам. Птицы сходили с ума. Пробирались вдоль берега Волги, ломая ногами сухие ветки. Башмак замедлил шаг и тихо повторял «гдетатута», «точнатута». Стал кружить, менять направление. Во рту пересохло, а воды не захватили. Ветки отвешивали пощечины. Руданов снял автомат с предохранителя и звонко дослал патрон в патронник. Я хотел остановить хаотичное блуждание и догнал было подозреваемого. Но Башменцев внезапно застыл, вытянул дрожащий палец. Я ничего не увидел. Пологая поляна, заклинивающаяся к реке. Молоденькая березка, чахлый куст. Посреди что-то черное, причудливо изогнутое и распластан-

ное по земле. Ипатьев устался в ту же точку с открытым ртом. Я достал очки. Всего лишь остатки дерева, погибшего от огня. Напряжение этих двоих передалось мне, в ушах звенело. Мы подходили очень медленно, боясь пробудить то неизвестное и разрушительное, притаились. После каждого метра прислушивались и озирались. Чертов Башмак так и не двинулся с места. Я увидел, что он развернулся и присел, закрыв лицо руками.

– Башменцев! Сюда! – позвал я быстрым шепотом.

– Не пойду... – ответил сквозь зубы он.

– А в табло?

– Мне херово. Я тута обожду.

– Руданов, веди!

– У вас анальгина нет?

– Вста-ать!

Подошли вплотную к угольно-черному предмету. Он напоминал ствол уничтоженного огнем причудливо-изогнутого растения. Заостренный пик расширился в конус и имел отверстие. Я подошел и тщательно изучил его, отметив пару ниш чуть повыше этого отверстия.

– Это старик – сказал Башмак с каменным лицом

– Ипатьев, видел ли ты подобное? Поверхность совсем гладкая, интенсивность черного цвета невероятная!

– Го-ло-ва?

– Похоже, она самая.

Я узнал ее по маленькому открытому рту, застывшему в

крике. Услышал немой вопль. За шиворот медленно потянулась капля холодного пота. Я присел, чтобы скрыть слабость в ногах. Это был человек. Сожженный дотла. Сморщенный до кукольного состояния труп лежал на животе, нелепо обхватив руками согнутые в коленях ноги за стопы. От тела остался поразительно гладкий каркас. Майский ветерок сгонял с него черную пыль, лоскутами кружил ее в воздухе. Руки толщиной с ветку. Голова размером с консервную банку. Он застыл в уродливой и напряженной позе. Словно пытался делать растяжку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.